

Н. И. КОСТОМАРОВ

СМУТНОЕ ВРЕМЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

УДК 94(47)"1598/613"
ББК 63.3(2)45
К72

Серия «Эксклюзив: Русская классика»

Серийное оформление *А. Фереца, Е. Фереца*

Дизайн обложки *В. Воронина*

Костомаров, Николай Иванович.

К72 Смутное время / Н. И. Костомаров. — Москва : Издательство АСТ, 2026. — 1120 с. — (Эксклюзив: Русская классика).

ISBN 978-5-17-182978-0

Костомаров Николай Иванович (1817—1885) — русский историк, публицист, писатель, педагог и общественный деятель, член-корреспондент Императорской Санкт-Петербургской академии наук. Автор многотомного труда «Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей».

В книге «Смутное время Московского государства в начале XVII столетия» на основе разнообразных письменных источников подробно изложены события в Московском государстве начиная со смерти царя Федора Иоанновича в 1598 г. и до восшествия на престол Михаила Романова в 1613 г.

Этот период, получивший в историографии название Смутного времени, стал одним из самых трагических в истории России, включив в себя страшный голод в царствование Бориса Годунова, череду царей-самозванцев, гражданскую войну и польскую интервенцию, когда «восстал сын на отца, брат на брата, враги ж иноземные терзали государство». Тушинский вор стоял под Москвой, а польский король под Смоленском, и гибель русского государства казалась неизбежной...

УДК 94(47)"1598/613"
ББК 63.3(2)45

ISBN 978-5-17-182978-0

© ООО «Издательство АСТ», 2026

Введение

I

В сентябре 1580 года у московского царя Ивана Васильевича в Александровской слободе была свадьба: царь женился на дочери боярина своего Федора Федоровича Нагого, Марье Федоровне. Это был, как показывают хронографы, осьмой брак царя; но что было запрещено и делало соблазн для других, царю Ивану Васильевичу было позволительно. Неизвестно, спрашивал ли он на этот брак особого разрешения церкви, но оно было даваемо ему прежде. Недозволительно было церковью — в четвертый и в шестой, и в восьмой раз вступать в супружество; если же собор дозволил ему, не в пример другим, жениться в четвертый раз, то он сам после того мог успокаивать свою совесть, разрешая себе и в восьмой. Свадебное празднество совершалось со всеми надлежащими обрядами того времени. Роли свадебных чинов были розданы так, что вышло как-то знаменательно и странно: посаженным отцом царя был его сын Федор, а невестка Ирина Федоровна — посаженной матерью; другой сын, Иван Иванович, был у него тысяцким; друзьями были: со стороны жениха — князь Василий Иванович Шуйский, со стороны невесты — Борис Годунов, оба будущие цари московские.

Бракосочетание царя с девицею из дома Нагих должно было возвысить эту фамилию. Дядя новой царицы, Афа-

насий, был человек, известный своим долговременным пребыванием в Крыму в качестве посла московского. Эта возвышающаяся фамилия встретила соперничество в Годунове. Борис Федорович Годунов, татарин по происхождению, женатый на дочери царского любимца Малюты Скуратова, брат жены царевича Федора, уже в последние годы царствования Грозного делался одним из первых людей около царя; уже начиналось то могущество, которое его ожидало по смерти Ивана Васильевича. Нагие стали ему на дороге, и он тоже стал на дороге Нагим. Рассказывают, когда царь Иван Васильевич убил железным жезлом старшего своего сына Ивана Ивановича, Борис хотел было защитить царевича и получил несколько ударов от царя тем же железным жезлом. После того он сидел в своем доме за Неглинною и врач Строгонов делал ему заволоки для нагноения, на месте удара. Федор Нагой, отец царицы, воспользовался случаем и заметил царю, что Борис притворяется больным и удаляется от царских очей. Грозный царь сам отправился в дом Бориса, но убедился, что тот действительно не выходит от болезни, сам видел его заволоки и, в наказание за оговор, приказал положить заволоки своему тестю, совершенно здоровому и не имевшему нужды в заволоках. Вообще быть тестем или шурином московского государя не было счастье: родственники одной из жен его, Собакины, поплатились жизнью за эту честь.

В 1583 году царь Иван вздумал было жениться на английской принцессе Марии Гастингс. Когда отправлен был в Англию Федор Писемский, то в наказе ему было написано: «Если спросят: как же это царь сватается, когда у него есть жена?», то Писемский должен отвечать: «Она не царевна, не государского рода, негодна ему, и он ее бросит для королевской племянницы». Царю Ивану не впервые было распоряжаться так сурово со своими же-

нами. Три из предыдущих его жен — Анна Колтовская, Анна Васильчикова и Василиса Мелентьева были заточены в монастырь и должны были благодарить Бога за то, что царь оставил им жизнь. Не так милостиво разделался он с одною из них, Марьею Долгорукою: женившись на ней 1573 года ноября 11-го, он узнал, что она еще прежде потеряла свое девство, и на другой день после свадьбы приказал *затиснуть* ее в колымагу, повезти на борзых конях и опрокинуть в воду¹. Подобные примеры должны были указывать новой царице, Марье Федоровне, чего она могла ждать каждый день. Бедная царица была тогда беременна и 19 октября 1583 года родила сына; нарекли его Дмитрием, а прямое имя ему, говорит летописец², Уар, потому что он родился в день, когда празднуется память мученика Уара. Дошли об этом слухи в Лондон. «Смотрите, — сказал Томас Рандольф русскому толмачу Елизару, — когда вы поехали, у государя был только один сын, а теперь уже у него другой родился». Федор Писемский, которому передали слова Рандольфа, ответил: «Пусть королева не верит ссорным речам, лихие люди наговаривают, не хотят промеж государя и королевы доброго дела видети».

Не удалось Ивану жениться на англичанке: он умер 1584 года марта 17-го, и царица Мария, урожденная Нагая, осталась вдовою. На престоле Московского государства должен был сесть слабоумный Федор Иванович. Отец сознавал, что он вовсе не способен к правлению, и учредил над ним опеку из пяти бояр. Но так или иначе, а власть должна была перейти к Борису Федоровичу, брату царицы. Он был всех хитрее и умел прокладывать себе пути и избавиться от соперников; прежде всех Нагие

---

¹ Известие о Долгорукой из рукописи Императорской Публичной библиотеки сообщено А. Ф. Бычковым.

² Карамз., т. IX, примеч. 741.

понесли удар. В ночь, когда еще труп Ивана не был положен в гроб, арестовали Нагих и отдали заприставы; взяли тогда же нескольких их сообщников. Потом маленького Дмитрия с матерью удалили в Углич, данный ему от отца в удел; с ним отправили туда всех Нагих. Царице дали почетную прислугу: стольника, стряпчих, стрельцов; у Дмитрия был свой двор. Таким образом, Нагих не было при московском дворе, и от них прежде всего избавился Годунов. Не так дешево расплатились их сторонники: их сослали, а имения их и вотчины побрали в казну. Летописец того времени приписывает Борису ссылку Нагих и их союзников. Он обвинял их в измене, а в чем именно — остается неизвестным; но так как вслед за тем малолетнего Дмитрия послали в Углич, то кажется более чем вероятным, что их вина состояла в намерении овладеть правлением во имя маленького царевича. Впоследствии рассказывали, будто царевич не доехал до Углича: предвидя, что Борис со временем его погубит, царственного ребенка подменили другим ребенком, увезли куда-то и воспитывали в глубокой тайне, тогда как все думали, что в Угличе растет настоящий сын царя Ивана Грозного.

Вслед за Нагими опала постигла одного из сильнейших бояр того времени, Богдана Бельского, которому покойный царь поручил в опеку маленького Дмитрия. Летописцы наши повествуют, что в Москве открылся мятеж; народ требовал казни Бельского; подозревали, что он извел царя Ивана и хочет известить Федора. Его, как бы в угоду народу, сослали в низовские края. Как ни темно, как ни сбивчиво представляется это событие, но по соображении предшествовавших обстоятельств с последующими видно, что тогда шло дело о том, кому царствовать: слабоумному ли Федору, на которого не было надежды, чтоб он поумнел, или малолетнему Дмитрию, который мог быть умным человеком, достигши зрелого возраста.

Возмущение предпринято было за права Федора. Бельский, конечно, должен был желать воцарения Дмитрия, потому что в его малолетство правил бы государством он, Бельский, как назначенный самим отцом Дмитрия его опекун. Его виды и виды Бориса Годунова были противоположны; но Борис так ловко умел заслониться, что впоследствии думали иные, будто Борис Годунов и Богдан Бельский были приятели между собою. Вопрос, кому царствовать, разрешился окончательно не прежде как 4 мая 1584 года, когда именитые люди из городов, собравшись в Москве, от имени всей земли подали Федору челобитную и просили быть царем. Федор короновался и по скудоумию тотчас же отдался Борису Годунову, своему шурину, всецело с принадлежащею ему по рождению и по избранию верховною властью.

Освободившись от Бельского, Годунов мало-помалу избавился и от других трех товарищей по управлению государством, назначенных царем Иваном. Опаснее всех казался ему Никита Романович, брат первой жены Ивана Васильевича Грозного, добродетельной Анастасии, которой память уважал народ, как память святой. Его самого до того любили москвичи, что во время бунта против Бельского толпа боялась, чтоб с Романовым чего-нибудь не сделали бояре, насильно вытребовала его из Кремля, увела в его собственный дом и до самого венчания царя Федора берегла с горячею любовью. Но судьба скоро избавила от него Бориса. В том же году Никита Романович был поражен параличом, лишился употребления языка, а в апреле 1586 года умер. Князя Ивана Федоровича Мстиславского обвинили в том, будто он намеревался звать к себе Бориса и убить: его насильно постригли в монахи. Оставался последний товарищ, Иван Петрович Шуйский, человек сильный и родом, и собственными заслугами, памятный геройскою защитою Пскова против

Батория. Величие Годунова становилось нетерпимо для многих. Составился заговор. Намеревались подать Федору челобитную, чтоб он развелся с бесплодную сестрою Бориса и женился на княжне Мстиславской, дочери насильно постриженного князя Ивана Федоровича. Годунов заранее узнал об этом замысле и уничтожил его. По его наущению слуга Шуйских Федор Старков подал на них извет в измене; произвели розыск, какой угодно было Годунову, и Борис отделался от своих врагов. Кара постигла фамилию Шуйских: двоих из них, соправителя Борисова Ивана Петровича и Андрея Ивановича, сослали, а потом, как говорят, тайно умертвили; других соучастников, Татевых, Колычевых, Быкасовых, Урусовых, отправили в заточение; семерым купцам отрубили головы; митрополита Дионисия с крутицким архиепископом Варлаамом, несмотря на их духовный сан, не подлежащий суду светской власти, сослали в монастыри, а на место митрополита посадили благоприятеля Борисова Иова, ростовского митрополита, который потом получил небывалый еще в русском мире сан патриарха; княжну Мстиславскую за то, что ее прочили царю в невесты, заточили в монастырь; один из соучастников заговора, Головин, ушел в Польшу. Так победил Борис врагов своих и стал еще могущественнее.

Царь был бездетен и слаб здоровьем почти так же, как и умом. Борис был во цвете лет. Никогда в Московском государстве человек, не носивший венца, не владел такими богатствами, не достигал такой силы и чести, как Борис. Царя Федора знали только по имени. С одним Борисом имели дело иноземные послы, к одному Борису обращались с челобитными, когда их следовало подавать царской особе. Народ падал перед ним ниц, когда он выезжал; челобитчики, когда он им говорил, что доложит о их просьбе царю, осмеливались говорить ему:

«Ты сам наш государь милостивец, Борис Федорович; скажи только слово — и будет». Это не только проходило им даром, но еще доставляло Борису удовольствие. Богатства его были чрезмерны; доходы его доходили до огромной по тогдашнему суммы 93 700 рублей в год. Кроме наследственных вотчин в Вязьме и Дорогобуже, область Вага была ему отдана в пользование, и он получал с нее с одной 32 000 рублей; сверх того ему отданы были доходы со всех конюшенных слобод по званию конюшего, которое он носил (12 000 р.); доходы Северщины, Твери, Торжка (38 000), доходы с пчельников и пастбищ в окрестностях столицы по обеим сторонам Москвы-реки; наконец, доходы с бань и купален в самой столице. За всеми этими доходами он еще каждый год получал от царя по 15 000 рублей. При такой обстановке, естественно, Борису стал представляться престол. На той степени величия, на которую он взошел, нельзя было оставаться: тут не было середины — либо трон, либо гибель. Его жена, честолюбивая и злая дочь Малюты Скуратова, имевшая на мужа большое нравственное влияние, беспрестанно побуждала его к возвышению, подвигала и ободряла не останавливаться ни перед какими средствами, успокаивала его совесть, когда она возмущалась. Чем выше он становился, тем ярче представлялась ему опасность, тем настойчивее побуждала его жена преодолеть ее. Всякое новое вступление на престол началось бы погибелью и его, и его семейства; ему не простили бы прежнего, почти царского величия. Он должен был избавиться от таких лиц, которые могли иметь право на престол после смерти Федора Ивановича.

Было два таких лица: первое — женщина с дочерью; она называлась Марья Владимировна, была дочь двоюродного брата царя Ивана Васильевича, Владимира Андреевича, убитого Иваном. Царь Иван отдал ее за датско-

го принца Магнуса, возведенного им в сан ливонского короля. После разделения Ливонии и уничтожения тени королевства она жила в Риге полупленницей поляков под надзором кардинала Радзивилла, на ограниченном содержании. По прекращении царственной линии с бездетным Федором право престолонаследия, не утвержденное на этот случай предупредительным законом и потому зависевшее от избрания, могло легко в народном понятии перейти на нее и на ее дочь. По русским извечным понятиям, женщина не исключалась от этого наследства, особенно если не было мужского пола. Притом если бы даже побоялись отдать правление женщине, то легко выдать мать или дочь за какого-нибудь князя Рюрикова дома или за немецкого принца, который согласился бы принять греческую веру. Во всяком случае, разумеется, Марья Владимировна, по мужской линии прямая правнучка великого князя, властвовавшего Москвою, имела больше права, чем Борис, который в случае прекращения царственного дома мог опереться на свойство с прежними царями только потому, что сестра его была женою царя, а в нем самом не было ни капли крови прежних царей. В августе 1585 года Борис поручил англичанину Жерому Горсею выманить ливонскую королеву с дочерью в Москву из Риги. Ловкий англичанин подделался к кардиналу Радзивиллу и был допущен к Марье Владимировне. «Брат ваш, царь Федор Иванович, — сказал Горсей, — узнавши, что вы с дочерью вашей живете в нужде, желает, чтоб вы возвратились на родину и жили в довольстве, сообразно вашему царственному рождению; а протектор Борис Федорович, помня свою службу царю, обещает вам стараться о том же».

«Я не знаю вас, — ответила Марья, — но ваш вид внушает мне доверие более, чем сколько говорит мне о вас рассудок. Меня держат здесь как пленницу, на скудном

содержании: я получаю тысячу талеров в год. Я бы рада была отсюда выбраться, но меня смущают некоторые обстоятельства: во-первых, трудно убежать, король и паны берегут меня здесь, чтобы извлечь какую-нибудь пользу из моего происхождения и крови; во-вторых, я знаю московские обычаи, знаю, как там поступают со вдовами-царицами: меня запрут в монастырь, а это будет мне хуже смерти».

«Теперь другие времена настали, — сказал Горсей, — теперь не принудят к тому вдову, если у нее есть дети, которых нужно воспитывать».

Горсей дал ей тысячу угорских червонцев и еще обещал дать; и он так настроил бедную королеву, что она совершенно ему доверилась. По приказанию Бориса составлены были лошади по дороге от Москвы до границы Ливонии. Королева с дочерью ускользнули из Риги; их повезли быстро в Москву. Сначала с Марьей Владимировною обходились хорошо: дали ей земель, денег, прислугу; но через несколько времени Борис, поступавший по произволу, именем царя, ничего не знавшего о том, что его именем делают, разлучил ее с дочерью и заточил в Пятницкий монастырь близ Троицы. В 1589 году маленькую дочь ее похоронили с честью, как королевну, у Троицы. Смерть ее все принимали за неестественную. Много лет протомилась в скучном заключении несчастная королева, вспоминала Ригу и проклинала англичанина, которому так неосторожно доверилась¹.

Борис избавился от Марьи и ее дочери; его беспокоил ребенок Димитрий. Правда, он рожден был от восьмой жены: по уставам церкви, такой брак был незаконным, следовательно, и сын, рожденный от такого брака, не был законным; он не мог бы, казалось, быть претендентом

---

¹ Horsey, 204. — Fletch., 22.

на престол и пугать Бориса. Сначала Борис думал воспользоваться этим обстоятельством и запретил молиться о нем в церквах. Сверх того, по приказанию Бориса распространяли с умыслом слух, что царевич злого нрава, с удовольствием смотрит, как режут баранов. Еще дитятею он любил кровь животных; внушалось опасение, что такой вкус в зрелых летах перейдет и на людей¹. Но скоро Борис увидал, что этим не достигнешь цели; невозможно было убедить московский народ в том, что царевич незаконнорожденный и потому не может быть на престоле: для московских людей он все-таки был сын царя, кровь его и плоть. Царь в народном воззрении был существо выше обыкновенных существ; что не дозволялось другим, то прощалось царю; нельзя было подвергать осуждению поступки царя. Видно, что русский народ признавал за Дмитрием право царствовать, когда впоследствии имя этого царевича, принимаемое многими удалцами, увлекало за собою народ. Нельзя было испугать русских, привыкших к долгому царствованию Ивана Васильевича, рассказами о злонравии отрока Дмитрия. По народному воззрению, дурной царь посылается Богом народу в наказание за грехи; тогда ничего другого не остается, как только сносить с терпением Божью кару и молить Бога о помиловании. Конечно, Борис, попытавшись так и сяк отстранить Дмитрия от будущего воцарения, убедился, что нельзя вооружить против него русских; а между тем Нагие, удаленные в Углич, злобствовали против Бориса и с малолетства настраивали Дмитрия враждебно к нему. Дитя повторяло то, что ему твердили родственники и мать; дитя жаловалось, что брат удалил его, что не пускают его в Москву, а всему виною Борис — он его лютей враг. Вырос бы Дмитрий — выросла бы у него

---

¹ Fletch., 22.

и злоба к Годуновым. Федор был слаб здоровьем и мог скоро умереть; провозгласили бы царем Димитрия, Нагие захватили бы власть, — и было бы их первым делом погубить Бориса и с его семьей, и с родней... Не было для Бориса другого выхода: либо Димитрия сгубить, либо самому со дня на день ждать гибели. Человек этот уже привык не останавливаться перед выбором средств. Это знали и понимали другие и были уверены, что если без его положительного приказа совершат то, что ему полезно, то он будет доволен.

Были у Бориса люди преданные, готовые за него на все. Таким был Андрей Клешнин. Этот человек поручил вниманию правителя одного дьяка, по имени Михайлы Битяговского. Борис назначил Битяговского главным надзирателем над домостроительством царевича в Угличе; с ним поехали: сын Михайлов Данило, Никита Качалов и Данило Третьяков. Царица боялась, что эти новоприезжие затем и прибыли, чтоб известить царевича. Братья царицы, Михайло и Григорий Нагие, ссорились с Битяговским: он у них власть отнимал. Нагие жаловались, что им не выдают содержания, требовали от Битяговского прибавки, тот им отказывал, — и вообще эти приезжие стали не в дружеские отношения с царицею и с ее родными...

17 мая 1591 года пришло в Москву известие, что 15 мая царевич Димитрий погиб насильственной смертью... Федор, услышав о смерти брата, расплакался. Говорят, что он сам хотел ехать в Углич, но Борис отговорил его, уверивши, что там свирепствует заразительная болезнь¹. Борис отправил на следствие князя Василия Ивановича Шуйского, дьяка Андрея Клешнина и дьяка Вылузгина. Выбор Шуйского, казалось, был никак не в пользу Бо-

---

¹ Grevenbruch, 10.

риса: Шуйские были с ним во вражде, родственники их были сосланы, задушены. Но зато брат Василия, Дмитрий, был в свойстве с Борисом: жена Дмитрия была родная сестра Борисовой жены, и эта связь была причиною, что Борис щадил и приближал к себе одну ветвь рода Шуйских, состоявшую из трех братьев, но все-таки побаивался их и не допускал обоих братьев Дмитрия жениться. Василий не мог бы, казалось, быть доброжелателем Борису. Однако он произвел следствие совершенно в угоду Борису, и из дошедшего до нас следственного дела об этом событии представляется в таком виде.

15 мая 1591 года после обедни, часу в двенадцатом утра, зазвонил в Углицкой Спасской церкви, находившейся в земляном городе, сторож Максим Кузнецов. На этот звон прибежал первым пономарь другой церкви, царя Константина, вдовый поп по прозвищу Огурец. На встречу ему бежит стряпчий кормового дворца Суббота Протопопов. Увидя Огурца, он закричал: «Царевича не стало! Царица велела звонить». Огурец принялся усердно звонить в набат. Звон переполошил весь Углич, толпы народа посыпали в Углицкий кремль, не знали, что значит этот звон, и сперва думали, что пожар: бежали с рогатинами, дубинами, топорами. Тут раздался крик: «Царевич зарезан!» На заднем дворе кормилица *Орина* Жданова держала мертвого ребенка: царица Марья в неистовстве колотила поленом мамку царевича Василису Волохову. По ее приказанию посадские схватили эту женщину, сбили с нее волосник и опростоволосили. Это считалось крайним бесчестием и поруганием женщине. Царица и ее братья кричали всенародно, что царевича зарезали сын этой мамки, Осип Волохов, Никита Качалов и Битяговские. Народ без дальних размышлений бросился убивать тех, на кого ему указывали. Заперли ворота, чтоб никто не ушел со двора. Михайлы Битяговского не было тогда во

дворе: он обедал у себя дома с попом Богданом, и, как доказывал этот поп, сын Битяговского был тогда с ними же. Битяговский услышал звон, побежал ко двору, но ворота у двора были заперты. Один из дворцовых служителей, сытник Кирило Моховиков, бросился отворять Битяговскому. Только что вошел Битяговский, народ бросился на него. Он пустился бежать в брусяную избу, Данило Третьяков примкнул к нему и побежал туда же. Толпа погналась за ними. Михайло Нагой подстрекал народ убить Битяговского. Битяговский, чтоб обратить злобу толпы на своего врага, кричал, что «Нагой добывает ведунов на государя и государыню». Послушали тогда Нагого, убили Битяговского и Третьякова... Потом узнали, что другие, обвиняемые царицею и ее братьями, Никита Качалов и сын Битяговского, Данило, спрятались в разрядную избу; ворвались туда и убили их; перебили людей Волоховой. При этой свалке погибли и какие-то посадские, неизвестно за что и по какому побуждению. Царица кричала, чтоб ловили еще одного убийцу, Осипа Волохова, сына мамки; но его не нашли скоро: он убежал к жене Битяговского, и там его спрятали. Тело зарезанного ребенка понесли в церковь Спаса; за ним пошла мать. Тут поймали Осипа Волохова и притащили в церковь пред царицу; за ним вели жену и детей Битяговского. Царица закричала: «Вот убийца царевичев!» Народ убил его в церкви: не дали ему проговорить ни слова в оправдание. Рассвирепевшая толпа хотела растерзать и жену, и дочерей Битяговского, но их спасли духовные: архимандрит Феодорит и игумен Савватий. Василису Волохову, сильно избитую, посадили под караул.

Через два дня, по наговору царицы, схватили юрдовую женку, которая жила у Михайлы Битяговского и хаживала к Андрею Нагому. Царица обвиняла ее, будто она портила царевича, и велела убить ее...